

**Иван
РОГОЩЕНКОВ**

г. Петрозаводск

ТРЕЗВЕНИЕ ДУХА

О Время! Вечности подвижное Зерцало!
Фёдор Тютчев

*О, гори, лампада,
Ярче пред распятьем!
Тяжелы мне думы,
Сладостна молитва!*

Алексей Кольцов. «Великая тайна»

Временная земная жизнь полна страшных разрушений государств и падений народов. Однако тайна бытия сокрыта в Вечности, время только неверное, беглое её отражение. Фёдор Тютчев надеется найти разгадку драмы человеческой не в самой истории, а в том, что выше её. Окончательная Православная Империя – славянская во главе с Россией – по заблуждениям и слабостям человеческим состояться не может. Остаётся уповать на Христа.

*О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги, –
О, как ты бьёшься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Так, ты – жилица двух миров,*

*Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов...
Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.*

Что это? Поэзия не только созвучна с религией, но как бы становится ею? Недаром Николай Гумилёв верил: поэзия и религия – две стороны одной медали. Архиепископ Иоанн Шаховский заметил, что Фет – великий языческий поэт России, ибо для Фета сама поэзия является религией.

Александр Амфитеатров: «Религиозность Гумилёва производила на меня сильное впечатление. Тому, конечно, много способствовала её необыкновенность в молодом человеке поколения, так называемого «предреволюционного», и надо правду сказать, довольно-таки беспорядочного именно в направлении религиозно-этическом. Мы говорили об этом. Гумилёв сказал большое слово: «Я не понимаю, как человек, пе-

реживший революцию, может оставаться без Бога. То есть я не в том смысле, чтобы, как принято, «искать Бога». Что же искать, когда мы им настигнуты и каждую минуту чувствуем себя в Его руке? Поздно. Он сам нас нашёл».¹

В наше время опубликовано «дело» Гумилёва.² Исследователи не находят в нём чёткого определения «вины» поэта, влекущей немедленную казнь. Есть нечто пропущенное? Что? Александр Амфитеатров считает: Гумилёв по открытому своему характеру не мог быть серьёзным заговорщиком; проходя мимо каждого храма, он крестился, не обращая внимания на окружающих. Близкие ему люди полагают: следователь спровоцировал поэта – и тот раскрыл себя, объявился православным русским человеком и монархистом. Вера Лукницкая в своей книге приводит статью А. Куприна «Крылатая душа», там сказано: «Я не думаю... чтобы он (Гумилёв) удостоил допрощиков каких-нибудь разъяснений по поводу своего политического символа веры. Но, знаете, сорвётся иногда у человека... может быть, даже совсем невольно, – всего лишь один, быстрый, как молния, пронзительный взгляд, но в нём палач мгновенно прочитает: и то, как он микроскопически мал, гадок, глуп, грязен и труслив в сравнении со спокойно стоящей перед ним жертвой... тогда неизбежна смерть избраннику, тому, кого Бог отметил при рождении прикосновением Своего перста на возвышенную жизнь и ужасную кончину». Проникновенные слова, но не вся правда угадана.

Поэт Георгий Иванов вспоминал: Гумилёв взял в тюрьму Евангелие и Гомера³, а не Библию (как в других воспоминаниях). Что это значит? Он предчувствовал: гибель неминуема, вот и принёс с собой любимые книги. Можно ещё догадаться об особенностях его богопознания, его веры: Евангелие – неиссякаемый источник веры и богопознания, однако греческой мифологии отдаётся предпочтение перед ветхозаветной, «Илиаде» перед Ветхим Заветом. Далее: принести в тюрьму Евангелие – открытое, явное свидетельство о религиозности. Гумилёв на пороге смерти обрёл свободу и в страшном узилище словом и делом исповедал Христа.

*Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право –
Самому выбирать свою смерть.*

(«Выбор»)

Это ли не исповедничество и преподобному-ченичество? Гумилёв оправдал сказанное им ранее: «Я носитель мысли великой, не могу, не могу умереть». И действительно: он – с нами, его творчество – мост, перекинутый от современной бедности к богатству нашего былого, духовно питающий нас верой, надеждой, любовью. Свидетель – поэт-иеромонах Роман (Матюшин).

*Здравствуй, Матушка-Русь!
как к иконе, к Тебе припадаю,
Преклоняю главу,
и колени, и сердце с мольбой.
Без Тебя я ничто –
даже в райских местах пропадаю,
Исцеляюсь Тобой
и взлетаю к лазури Тобой.
Вымирает народ.
Деревеньки Твои всё беднее,
Поношенья вокруг,
но Твоей нищеты не стыжусь.
Ты дала мне Христа
(ну, а кто же даёт не имея?),
О богатая Небом, моя Христоносная Русь!
(из книги «Одинокий путь»)*

Судьбу России поэт-иеромонах видит трагичной и великой.

*Россия-Русь! Куда б Ты ни неслась
Оборванной, поруганной, убогой, –
Ты не погибнешь! Ты уже спаслась,
Имея столько праведных у Бога.
(из книги «Внимая Божьему велению»)*

*И если вдруг Тебя погубят,
То и самим врагам не жить:
Вселенная могилой будет –
Иначе не похоронить.
(Из книги «Радоваться Небу»)*

Заметим: в стихотворении получила развитие образ-гипербола Сергея Орлова «Его (солдаты-героя) зарыли в шар земной». В прошлом веке Аполлон Майков для могучего духа Лермонтова нашёл упокоище во Вселенной («На смерть Лермонтова»).

Апокалипсическое предвидение иеромонаха Романа, как видим, подтверждает глубокую связь поэзии с верой.

Вникнем в суждение православного богослова о культуре без веры и культуре, в основе которой – вера. Святитель Николай Сербский

(1880–1956): «Что такое вера? Это знание Божие, переданное людям Самим Богом. В свете этого Божия знания и наши знания становятся верными и полезными. Без веры наши знания очень опасны для жизни и счастья человечества. Это видно по реальности Запада». ⁴ «Вера – основа любви. Береги веру, храни семя любви, чтобы оно проросло и принесло тебе радость». Сравним: Николай Гумилёв в застенке – одинокий, отверженный, наедине с безжалостными мучителями, сохранил веру. «В то время, когда мир шепчет ему (*человеку одинокому, забытому, даже отверженному*. – **И.Р.**) на ухо: ты никому не нужен, вера говорит ему: ты нужен Богу». Тут объяснение мужества и стойкости Гумилёва в застенке.

Судьбы России и Сербии издавна тесно связаны – и в двух мировых войнах у них был один враг. Потому сербы, не заражённые западной предвзятостью, хранят уважение и благодарную память о России. Святитель Николай: «Смысл войны 1914 года, многим непонятный, многими оспариваемый, объяснён русской жертвой за сербов во всей своей евангельской ясности и несомненности. Ибо мотив самоотверженности, духовная потребность жертвы за ближнего – разве это не стремление к Царству Небесному?» Закономерность, вернее – органичность, этого духовного подвига вытекает, по мысли святителя, из тысячелетней истории России.

«Первым крещением водою и Духом, под святым Владимиром, Россия спасла Христианство. Это случилось тогда, когда православная вера, которую поддерживала Византия, совсем было истощилась, но не от собственного бессилия, а от бессилия человеческого рода, с другой стороны, политизированная вера Запада – вино, смешанное с водой, – боролась с князьями мира сего за царства земные. Христианство было на смертном одре, истинные христиане – в отчаянии. Тогда Промысл Божий двинул целый континент, несметное неведомое племя на помощь истинной вере. Это была Русь святого Владимира. Сегодня, когда сосуды, хранящие христианскую веру на Востоке и на Западе, недостаточно прочны, чтобы помочь растерянному, ослепшему миру, когда во всём мире самое закоснелое язычество под разными именами поднимает свои уродливые головы, сегодня вновь Промысл Божий призывает Святую Владимирскую Русь на помощь христианству и всему человечеству. Призывает на помощь, чтобы на весах христианских ценностей число избравших Царство Небесное дало перевес. Блажен-

ны вы, плачущие вместе с Россией, ибо с нею и утешитесь! Блаженны вы, скорбящие сегодня с Россией, ибо с нею и возрадуетесь!» Православно-церковный взгляд святителя Николая на вступление России в Первую мировую войну, взгляд на историю России глубоко погружает наше сознание из поверхностно-временного в вечность, потому неприятен так называемой широкой общественности.

Вторая мировая война (для нас Отечественная) сразу же пробрала брешь в социалистической идеологии. Социалистический патриотизм, непривычно новый для сознания исторической России, не мог возбудить общего подъёма против захватчиков. Пришлось восполнить его традиционным долгом служения Родине, видимыми приметам царской армии (форма одежды, погоны, воинские звания), ордена не только Суворова и Кутузова, но и Александра Невского, причисленного церковью к лику святых; венцом всего стало возвращение Церкви патриарха.

В душе русского человека проснулась историческая память. В поэме Александра Твардовского «Василий Тёркин» есть главка «О потере», написанная в 1942 году, в ней читаем: «Сколько лет живём на свете? Двадцать пять». Разве история России начинается с 1917 года? Нет. «Сколько лет живём на свете? Тыщу?.. Больше! То-то, брат!»

Поразительнее в этом отношении роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Считается, что первое его издание в Москве (1973 год) неполно, неудовлетворительно, издание в Киеве (1989 год) отличается в лучшую сторону. При знакомстве с ранними редакциями романа бросается в глаза недостаток обоих. В ранних редакциях «роман в романе» о Понтии Пилате, повествования о похождениях свиты Воланда, распятие на кресте, предательство Иуды – всё это «евангелие от Воланда», то есть от сатаны, а никак не вариант великой Книги. В современных изданиях замысел автора неясен, ибо остался только намёк – в названии двадцать третьей главы «Великий бал у сатаны». Эпиграф из Гёте относится не ко всему роману, а только – с трагической иронией – к «евангелию от Воланда»: «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». И ещё: в ранних вариантах романа бог **велел** сатане дать покой мастеру, в последней авторской редакции бог **просит** сатану. Разве это не автограф сатаны под своим созданием?

В романе «Белая гвардия» полчища аггелов сатаны идут на Город (Киев), над ними лик сатаны (Троцкого). В «Мастере и Маргарите» сам

сатана (Воланд) является в Москву. Зачем? Чтобы увидеть, как исполняют его волю аггелы. Они нарушили законы Божии, не верят в Бога. Но, своевольные, не признают самого сатану, что неприемлемо и строго наказуемо. Никаких законов – ни Божеских, ни государственных, ни человеческих. Только воля сатаны, явленно раскрытая на великом балу. Все грешники, его подручные, страдают вечно, потому им даётся какое-то время для отдыха: хотя бы в воображении пережить то, что они делали живые. Страдания не ведут ни к покаянию, ни к прощению. Милосердия в мире сатаны нет. Маргарита пожалела страдающую Фриду, но, чтобы помочь ей, предоставила свои побуждения как самолюбие: помогает Фриде ради собственного спокойствия, чтобы избежать раздражения своей чувствительности. Вариант разумного эгоизма («Что делать?» Николая Чернышевского).

Булгаков воссоздал в романе искажённое представление своих современников, порвавших с традициями, о добре и зле, о нравственности и вере. Когда откажешься от Христа – в **свободную** душу вселяется дьявол. Почему публикаторы и издатели отступили от замысла автора? Бес попутал, чтобы отомстить Булгакову за разоблачения?

У Булгакова видим разрушение государства революцией. Что такое государство, каково его отношение к правде-истине?

Государство – дохристианское создание, отвечающее на запросы и требования языческой эпохи, языческой образованности. Римская империя восприняла христианство крайне враждебно, боролась с ним не на жизнь, а на смерть, но победить не могла. Расширяясь, включая в себя новые страны и земли, усваивая их быт, идеи, богов, империя утрачивала внутреннюю цельность, единство духа, что ранее обеспечивало успехи. Потому она на самом, казалось, пике славы и величия стала разрушаться. Христианство заключало в себе будущее. Внешне слабое и гонимое, оно принесло в мир языческий новую веру, новое сознание, новую жизнь и – победило.

В трагедии «Два мира» Аполлон Майков, как мыслитель глубоко и как художник совершенно, воссоздал исторический момент встречи христианства с язычеством. Основываясь на исследованиях языческих преданий, он не находит в будущем язычества культурного и духовного подъёма; все лучшие природные качества человеческой личности могут расцвести только на путях, завещанных Христом.

В переводе «Слова о полку Игореве» осуждается языческая рознь, междоусобия на Руси. Божия природа всячески удерживает князя Игоря от похода, вдохновленного языческим молодчеством, предвещая несчастье. Зато та же природа помогает раскаявшемуся, осознавшему в плену свои заблуждения князю Игорю бежать из плена.

Достоевский ценил в Пушкине всечеловечность – способность выражать в творчестве характер других народов. Однако у многих образованных и творческих людей всечеловечность вытесняла из душ русскость. Аполлон Майков не терял её: русскость и всечеловечность сопряжены и одухотворены у него православной верой. Вот разгадка загадки русской души.

Христианство с язычеством несоединимо. Попытки сочетать их в творчестве – у Максимилиана Волошина христианство с теософией, у Николая Клюева христианство с пережитками язычества у иззяного жителя – поражают неожиданной дерзостью, кажутся величественными, но потом разочаровывают.

Лев Тихомиров в книге «Монархическая государственность» не ограничивал роль государства социальными задачами, созданием благополучия народов, защитой от военных угроз. Едва ли не главная забота государства – возможно полное и всестороннее развитие заложенных в человеке способностей и талантов, воспитание богато одаренных, активно-творческих личностей. Фёдор Тютчев, как сказано, видел идеал в Окончательной Православной Империи. Алексей Хомяков полагал: только Церкви Православной предназначены великие преобразования в истории. Государство силой внешних законов, влиянием внешних авторитетов мало что может сделать для возвышения души человеческой. На суде Христовом социальная иерархия, общественный статус человека не принимаются во внимание – только личные дела каждого: не предпочтется царь перед воином, владыка перед рабом, «кийждо бо от своих дел или прославится, или постыдится».⁵ Ибо Церковь – это небо на земле, это соборность, то есть братская любовь во Христе, когда единство и свобода дополняют друг друга, когда учение Церкви не внешний авторитет, а сокровенная жизнь души. Отсюда преобразование человека изнутри, а не принуждением. «Не приидет Царствие Божие приметным образом... вот, царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 20).

Духовный опыт двадцатого века (революция в России) подтвердил убеждение Хомякова, что

только во Христе свобода: «единство было сама свобода в стройном выражении ее внутреннего согласия». ⁶ Ее-то мы и потеряли.

Протоиерей Александр Ельчанинов: «Все яснее становится мне, что Православие – это стихия абсолютной свободы. Боязнь уставов, правил, боязнь как-то ограничить себя... отвращение к пропаганде, насилию, хотя бы чисто идейному или психическому, боязнь убеждать, вера только в самую наличность религиозной жизни...» Выявляется и другая сторона проблемы: «Мир безоружным нам не пройти; это гордыня, мы должны пользоваться орудиями мира сего. Нам надо смиренно признать государственность, внешние воздействия на мир. То, что мы потеряли Россию, не только политическая ошибка, но грех против Церкви...» ⁷

Вопрос только в том, можно ли исправить «ошибку». Лев Тихомиров пишет (в 1913–1918 годах): Государство «основано на началах мира сего, на силе принудительной и, будучи высшим руководителем судеб общества, имеет всегдашнюю тенденцию к самоутверждению. Оно не терпит около себя вполне свободных сил и в лучшем случае допускает для них условное существование. Сближаясь с государством, Церковь становится неизбежно в опасное положение. Перед ней открывались все соблазны: соблазны внешнего могущества, принуждения, внешних способов влияния, соблазны житейских благ. ⁸

Государство – «инструмент», овладевшие им силы могут охранять и поддерживать Церковь, а могут искажать или даже разрушать ее. По предостережению Льва Тихомирова, в «последние дни» человеческой истории произойдет отступление от Бога – апостасия. Материализм, атеизм останутся в прошлом. Основные мировые силы, каждая со своими религиозно-философскими взглядами – человеко-божескими или мистико-сатанинскими – вступят в междоусобную борьбу. Период революций, гражданских войн, период развращения человечества. Бог попускает сему быти, предостерегая людей от сатанинской пропасти, в которую они могут впасть. Явившийся антихрист восстановит в мире государственную власть и международное единство только для войны с Богом, чтобы установить власть дьявола. Эта апокалипсическая катастрофа исследована и отражена в книге «Религиозно-философские основы истории». Однако другой труд мыслителя «В последние дни (Эсхатологическая фантазия)», написанный в 1919–1920 годах, содержит дополнение, кото-

рое по-новому освещает современные события в мире: антихрист Антиох Масон придет из Америки (США). ⁹

Североамериканцам должно отрезвиться душевно и духовно, чтобы не оправдать страшное предсказание своими делами, которые и сейчас наводят на мысль о правоте Льва Тихомирова. Вспомним, что сделала Америка с Югославией. Колыбель сербского Православия, Святой Сербии – Старая Сербия (Косово) – стала самостоятельным государством, враждебным отчине. Интригами той же Америки мать городов русских Киев явил себя столицей государства, враждебного России. Наконец, пока последнее: антихрист апокалипсический, по творениям митрополита Илариона (Алфеева), большой политик, представляющийся святым (великим демократом, по-современному), потом являет себя жестоким и злым тираном. Запрещает торговать с непокорными, чтобы они умерли с голода. Предтечи антихриста, естественно, похожи на него. Не так ли современная Америка норовит поступать с Россией?

Великий наш святитель Филарет Московский на склоне лет обладал пророческим даром. «Однажды, – вспоминал епископ Леонид (Краснопевков), – я сказал митрополиту Филарету (1865), что было бы желательно закрепить письменно его взгляды, касающиеся до расхождения со старообрядцами. Филарет ответил: «Для чего?» – «Для будущего», – был мой ответ. Митрополит отвечивал, горячо волнуясь, что он чувствует, что будущее покрыто тёмным облаком и что, когда буря разразится, люди, потрясённые громовым ударом, забудут обо всём, что было до этой бури». ¹⁰

«Тот же епископ Леонид пишет: «А.Н. Муравьев говорил, что печален взгляд владыки на будущее, и передал его подлинные слова: «Когда я смотрю на малолетних детей, я не могу остаться равнодушным от мысли, что они должны будут, бедные, вытерпеть в сию пору», – и при этих словах заплакал».

Митрополит Филарет оставил нам, вступившим в то время, «когда буря разразится», завещание: «Научись же подлинно, христианин, не страшиться ненависти мира, если он восстанет против тебя за то, что ты последуешь Христу, что стараешься мыслить благочестиво и жить добродетельно. (...) Итак, пусть клеветают на истину, пусть ненавидят любовь, пусть убивают жизнь, истина оправдается, любовь побудит, жизнь воскреснет». Надо только не терять присутствия Духа: «Усиленное стремление к преобразованиям, неограниченная, но неопытная

свобода слова и гласность произвели столько разнообразных воззрений на предметы, что трудно между ними найти и отделить лучшее и привести разногласие к единству. Было бы осторожно как можно менее колебать, что стоит, чтобы перестроение не обратило в разрушение. Бог да просветит тех, кому суждено из разнообразных мнений извлечь твёрдую истину».

Как тут не вспомнить Алексея Кольцова: «Тяжела мне дума, сладостна молитва!» Поэт знает: душа человеческая усваивает «вечные тайны» через тяжесть дум и сладость молитв всю земную жизнь, равно как человечество – всю земную историю. Поэзия (не стихосложение, хотя и мастеровитое) способна, кажется, соперничать с богословием. Лирико-философские «незабудки» Михаила Пришвина проникнуты таким настроением: думай, но бойся, и всё-таки думай, согревай мысль в сердце.

Алексей Хомяков берётся исполнить завет святителя в учении о соборности. Церковь – это свободное духовное единство верующих, благодать Святого Духа, даруемая взаимной любви христиан. «Тайны Божии открыты нам от начала, – пишет Хомяков. – Что же после этого значит вся последующая работа, та, которая продолжается и в наши дни, будет продолжаться во все века и которую историки нашего времени называют крайне неточно развитием (...) Церковь унаследовала от блаженных апостолов не слова, а наследие внутренней жизни, наследие мысли невыразимой и, однако, постоянно стремящейся выразиться».¹¹ Выражению невыразимого, раскрытию во времени вечного Откровения посвящена заключительная часть книги «Церковь одна».

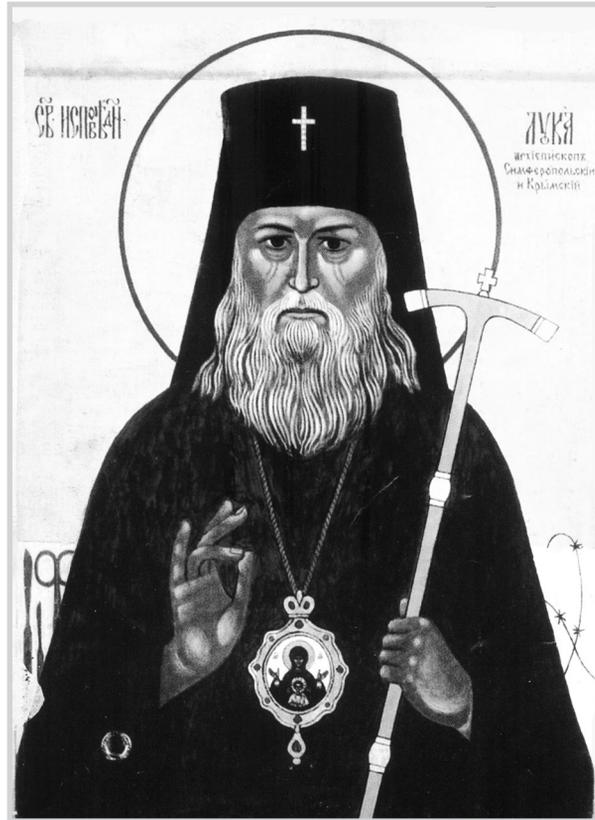
Святитель Лука Войно-Ясенецкий (1877–1961) скорбит о розни в Православной Церкви: порой трудно примирить мнения ярких и самобытных иерархов, вспомним, хотя бы, полемику в России о «имяславии». С другой стороны – не изжитое представление о Церкви как о составной части имперского государства. В христианском мире бытует не одно каноническое богословие, а и наукообразное – теософия, теология. Единство Православной Церкви основывается только на камне,

положенным во главу угла, Иисусе Христе, на Евангелии, просвещающую своим светом всякую тьму. Это истинно, как истинно то, что молитвы Святителя Луки, архиепископа Симферопольского и Крымского, способствовали возвращению Крыма в Россию. Святитель Лука жил и творил как архиерей и врач: для него не было противоречий между религией и наукой. Дар художественного слова позволил ему в проповедях выступать ярким и глубоким психологом.

В наше время завет святителя Филарета осуществляется в трудах митрополита Илариона (Алфеева). В его книгах сведено воедино православное учение о Боге, о Иисусе Христе (Бог и человек), о Церкви, о творении (мир и человек), о конце времён... Освоено, изучено

огромное наследие: Священное Писание, Священное Предание – материал разнообразный, сложный, требующий всякий раз особого подхода, внимания, понимания, чтобы свести разнообразие в живое единство, доступное читателю образованному, но не только богослову. Остановимся только на некоторых моментах исследований митрополита Илариона.

Ветхий Завет – основа и прообраз Нового Завета, потому Новый Завет не только продолжает, но восполняет Завет Ветхий. Псалом 136

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

(«На реках Вавилонских...») завершается так: «Дщи вавилоня окаянная, блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала нам: блажен муж, иже имеет и разбьет младенцы твоя о камень». В христианской практике библейская образность понимается иносказательно: тот, кого «дщи вавилоня» наградила своими грехами, должен избавиться от них, пока они ещё не окрепли («младенцы»).

Священное Предание (труды отцов Церкви) создавалось в разные века личностями творчески самобытными, потому у них можно обнаружить мнения, отличающиеся друг от друга. Митрополит Иларион предоставил читателю многообразие богословских решений как органическое целое, как единство взаимодополняющих взглядов, открывающих разные стороны явлений. Не забудем, что падшее человечество не способно сразу и полно воспринять Откровение – для этого дана нам вся земная история.

Православное христианство сохранило донныне память о жизни первых христиан – в отличие от исповеданий римских и протестантских. «Жизнь и свидетельство первых христиан были пронизаны пасхальной радостью и сознанием центрального значения воскресения Христова для спасения человечества. Эту радость, это сознание Православная Церковь хранит до сего дня, о чём свидетельствует весь её богослужебный строй, ориентированный на воскресение Христова, а не на Рождество или какой-либо другой праздник. Если на христианском Западе праздник Рождества Христова принял значение главного праздника церковного года, то на Востоке «праздником праздников» всегда оставалась именно Пасха как празднование победы над смертью воскресшим из мёртвых, совоскресившим вместе с Собой весь человеческий род».¹²

Русское богословие митрополит Иларион видит полнее и шире, чем принято. Знает он протопопа Аввакума: из «Жития» приводит отрывок о Предвечном Совете Святой Троицы перед сотворением человека. Часто обращается к трудам богослова В. Лосского. Отмечает книгу иеромонаха Софрония (Сахарова) о преподобном Силуане Афонском с приложением писаний старца. Строго объективно отзываясь о западном экзистенциализме, но сочувственно – о философе Н. Бердяеве, называет его экзистенциальную систему православной, цитирует его книгу о Хомякове.

Алексей Хомяков для митрополита Илариона – первый оригинальный религиозный философ России. Его учение о соборности «оказало

большое влияние на современное православное богословие»: «Хомяков воспринимал Церковь не только и не столько как организацию, скреплённую внешним авторитетом иерархии, сколько как единый соборный организм, члены которого скреплены единством веры на принципах равенства и свободы. (...) Представление о соборности как о единении и равенстве всех членов Церкви было важнейшим элементом экзезиологии А.С.Хомякова и других славянофилов».¹³

Исходя из опыта веков, митрополит Иларион утверждает правоту сердечной, выстраданной в жизненной борьбе веры учёных и неучёных: «Вдохновляя и побуждая человека вновь и вновь размышлять о Боге и находить в молитве ответ на свои размышления, святоотеческое богословие даёт нам ясный ответ на вопрос о Боге, исключающий любой повод для неверия: Бог несомненно есть. Он любит тебя и заботится о тебе. Потому не беспокойся и наслаждайся жизнью, твёрдо веруя в Него и исполняя Его заповеди».¹⁴

Вера в Бога, по представлению славянофилов, сопрягает в себе ум, сердце, волю. Святой праведный Иоанн Кронштадтский свидетельствует о том же, призывая понуждать себя к молитве. Рассудочная «вера» отзывается ложью во всём: в науке, искусстве, в деятельности социальной, общественно-политической. Лев Тихомиров в конце девятнадцатого века писал: «В действительности развитие основной идеи славянофильства всё время идёт поступательно. Нельзя, конечно, утверждать, чтоб она непременно в конце концов победила в России идею «западническую». Но вообще движение, поднятое славянофилами, растёт и развивается в самых разнообразных проявлениях. «Национальное» у нас уже завоевало себе признание, но, ища этого «национального», мы, даже не желая и не сознавая того, невольно черпаем «православное», переполняющее всё содержание народного исторического духа России».¹⁵

Наша начальная летопись («Повесть временных лет») рассказывает о призвании варягов; древние русичи сказали варягам (кто бы они ни были): «земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет». Слово «наряд» переводят как порядок, то есть внешнюю организацию. Но славяне без «наряда» бедствуют не из-за отсутствия власти или её слабости: «не бе в них правды», потому «воста род на род, и беша в них усобице, и воевати почаша сами на ся». Не стало в них правды Божией, тогда как призваны славяне, наряжены творить волю Божию. «Стяжи дух ми-

рен», то есть «Дух Божий», завещал нам преподобный Серафим Саровский.

Не это ли имел в виду Лев Тихомиров, говоря о своём современнике: «невольно черпаем «православное», переполняющее всё содержание народного и исторического духа России».

В русской сказке Иванушка-дурачок влезает в левое ухо Конька-горбунка, а из правого выходит добрым молодцем. В жизни тоже так бывает.

Примечание

¹ Николай Гумилёв. Стихотворения и поэмы. Москва, Эксмо, 2010, с. 288.

² Николай Гумилёв. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Лениздат, 1960.

³ Георгий Иванов. Стихотворения. Третий Рим. Москва, Книга. 1989, с. 442.

⁴ Святитель Николай Сербский. Ты нужен Богу. Москва, Эксмо, 2013, с. 93, 97.

⁵ Толковая Псалтирь. Сретенский монастырь, Новая книга, 1998, с. 266.

⁶ А.С. Хомяков. Церковь одна. Москва, 2001, с. 100.

⁷ Протоиерей Александр Ельчанинов. Православие для многих. Москва, ДАР, с. 61-62, 78-79.

⁸ Л.А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. Москва, ФИВ, 2015, с. 616-617.

⁹ Л.А. Тихомиров. В последние дни. Артос-медиа. Москва, 2004. с. 45-62.

¹⁰ Филарета, митрополита Московского и Коломенского творения. Отчий дом, 1994, с.28-29.

¹¹ А.С. Хомяков. Церковь одна. Москва, 2001, с. 241-245.

¹² Митрополит Иларион (Алфеев). Христос: Бог и человек. Эксмо, Москва, 2014, с. 185.

¹³ Митрополит Иларион (Алфеев). Церковь: небо на земле. Эксмо, Москва, 2014, с. 87-90.

¹⁴ Митрополит Иларион (Алфеев). Бог: православное учение. Эксмо, Москва, 2014, с. 222.

¹⁵ Лев Тихомиров. Критика демократии. Москва, 1997, с. 390.

Иван Константинович РОГОЩЕНКОВ

родился в 1933 году в Смоленской области.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Несколько десятилетий заведовал отделом критики в журнале «Север».

Автор книг «Воля творить жизнь» (Петрозаводск, 1979 г.),

«Память и надежды» (Москва, 1988 г.).

Член Союза писателей России с 1980 г.

Живет в Петрозаводске.

